

ного развития села (Куркутов М.Ф. Полностью одобряем постановление о садоводстве // Ленинский путь. 1939. № 964). Между прочим, по стечению обстоятельств имя Косинова П.Л. на сегодняшний день, не сможет вспомнить даже самый историк, а таких людей забывать не стоит. Это пример самоотверженной деятельности, не так уж и часто встречающийся ныне.

Чуть меньше содержится в периодике сведений о культурных достижениях. Данные о проведении спортивных соревнований, военно-спортивных играх, районных олимпиадах, отчеты о деятельности курсов ликбеза, сведения о работе культурных объектов и др. вполне могут использоваться историками как источник. Причем этот источник по информативности может уступить, пожалуй, только лишь воспоминаниям старожилов. В одной из многих статей подробно разбирается положение культмассовых объектов в районе, где показано, что никакого организованного досуга у населения просто нет (Ветров И. Снять замки клубов, изб-читален, библиотек // Ленинский путь. 1937. № 879), а в другой — подробно показана работа клуба в одном из сел (Соплев А. Культбаза в действии // Ленинский путь. 1938. № 929). Данные газет о культурном развитии очень интересны и содержательны. Невозможно писать на смежные темы, не используя такого источника как пресса.

Газеты, в отличие от исследовательских трудов, написаны понятным всем языком и содержат одновременно сведения из разных сфер. При этом человек как бы погружается в исследуемую эпоху, и воспринимает многие явления иначе. Исследователь приближается вплотную к объекту исследования, затрачивая гораздо меньше времени и сил, чем это было бы при работе по иным материалам.

Несмотря на все минусы данного источника, скидывать его со счетов просто преступно. В настоящее время сложилась парадоксальная ситуация, когда дореволюционная печать оказалась гораздо лучше изученной, чем советская. В данной статье довольно подробно расписано, какие данные можно почерпнуть в этом источнике, и можно ли им доверять. Для истории повседневности лучшего источника найти трудно. С помощью периодики, можно более детально рассмотреть повседневную жизнь простого человека, которого забывали в Советском Союзе и не вспоминают и в современной России. Считаю необходимой мерой реабилитацию местной прессы как исторического источника.

Т.А. ЯКОВЛЕВА

ДАЛЕКО ЛИ УШЕЛ ПОЕЗД ИСТОРИИ? ЕВРАЗИЙСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ В ЭМИГРАНТСКОЙ ПЕЧАТИ П.Н. МИЛЮКОВА И П.Б. СТРУВЕ В 1920-е гг.

Многие современные исследователи считают евразийство идейным течением, уже сыгравшим свою роль в определенный исторический пе-

риод. Сегодня поезд «той» истории ушел далеко вперед. Но действительно ли это так?

В научной литературе глубокое прочтение особенностей евразийства дают зарубежные исследователи: Марк Раев (США), Люциан Суханек (Польша), Мадхаван К. Палат (Индия) и др. Историк М. Раев называл евразийство «единственной новаторской историко-философской доктриной, возникшей в русском зарубежье». Часто евразийство представляют комплексом идей, из которых можно сделать взаимоисключающие выводы. Но, скорее всего, для евразийства 1920-х гг. роковую роль сыграло эмигрантское его происхождение. Евразийство не могли официально признать в Советской России, где господствовала другая идеология. Основная масса эмиграции, покинувшая Россию из-за непризнания революции, не могла считать своей идеологию, одобряющую революцию. Оставаясь противниками большевизма, евразийцы оправдывали революцию в ее антиевропеизме.

Современная российская идеология не так уж богата концепциями антиевроцентризма. Исследование евразийских идей в эмигрантской печати П.Б. Струве и П.Н. Милюкова в 1920–1930-е гг. позволяет объемно представить именно комплекс взаимоисключающих идей евразийства в эмигрантской среде, где и шел процесс формирования идеологии вне традиционного российского евроцентризма, вне схемы «правый-левый».

Крупнейшие газеты русского зарубежья в Париже «Возрождение» П.Б. Струве и «Последние новости» П.Н. Милюкова в 1920–1930-е гг. представляли разные общественно-политические направления: умеренно-левое и умеренно-правое. В 1920-е гг. полемика в них велась по всем волнующим эмиграцию вопросам, в том числе и по отношению к евразийству.

«Божественное начало» в евразийской идее не вызывало особой неприязни, особенно со стороны П.Н. Милюкова и «Последних новостей». Религиозные мотивы не мешали евразийцам рассуждать о возможности «преобразования» или эволюции советской системы. По словам одного из идеологов евразийства П.Н. Савицкого, сила веры и навык государственного хозяйства должны составить две созидающие силы: «Необходим их синтез, необходимо сочетание традиции с тем, что выдвинуто и утверждено революцией» (Савицкий П.Н. В борьбе за евразийство. Прага. 1931. С. 51). Милюков считал евразийцев реальными политиками, а их учение — стройным мировоззрением. В газете «Последние новости» он писал, что «они поняли необходимость оттолкнуться от разлагающегося белого движения и ощутили потребность слиться с советской властью на путях ее эволюции». Милюков утверждал, что евразийцы не изжили еще окончательно свой былой национализм: «Эти корни они должны вырвать и перестать быть учениками Струве» (Последние новости. 1927. 7 февр.). Считая евразийцев реальными политиками, он пытался найти общую платформу с евразийцами, чтобы бороться не с большевиз-

мом, а с националистами. П.Б. Струве считал, что это невозможно, так как отношение евразийцев к большевизму — отношение компромисса. Он настаивал на том, что у евразийцев нет «стройного мировоззрения» (Возрождение. 1927. 12 февр.).

В 1925 г. П.Б. Струве внимательно наблюдал за развитием евразийских идей, учитывая их высокую степень популярности среди молодежи. Но предупреждал, что необходимо отделять евразийские настроения от евразийских писаний. «Настроения, — писал он в «Возрождении», — родились в трудных, подчас невыносимых условиях эмигрантской жизни, они являются горьким осадком тяжелых переживаний и, прежде всего обид... Писания же выдумываются в кабинетах, часто вне живой связи с реальными условиями жизни, под диктовку взвинченного самолюбия, без сознания ответственности за каждое слово». Струве предлагал евразийцам отделить настроения от писаний: «Для нас ясно, что без внутреннего очищения и размежевания это самое молодое течение русской мысли не может обойтись» (Возрождение. 1925. 6 июня).

В «Возрождении» была напечатана статья М.В. Шахматова «Евразийство и русское самобытничество», где автор жестко выступал против евразийцев. М.В. Шахматова, равно как и П.Б. Струве, не устраивало то, что евразийцы отвергали «всю ту культуру, которая существовала в России, а на месте разрушенного хотели создать что-то новое». Это стремление вело евразийцев к продолжению антинационального критицизма. Они искали и обнажали перед всеми самые темные стороны отечественной истории. «Радясь революции, они заявляют: «Завоевания есть!.. она должна быть признана блестяще удавшейся!» (Возрождение. 1925. 6 июня). П.Н. Миллюков подтверждал, что, действительно, завоевания революции есть, но они не столь блестящи. П.Б. Струве не признавал никаких завоеваний. Особенно его возмущало желание евразийцев оставить красный флаг русским национальным флагом: «Неужели под красным стягом сражался Дмитрий Донской на Куликовом поле?» (Возрождение. 1925. 6 июня).

Евразийцы искали новую позицию по отношению к большевизму, признавая некоторые общие с ним задачи. Это было неприемлемо для «Возрождения». Резкую критику вызвали отзывы евразийских авторов об исторической обреченности белого движения. В статье И.Д. Гримма «Евразийцы и белое движение» подчеркивалось, что евразийство политически двусмысленно. «Оно притворяется, что примирило непримиримое. Большевицкая революция и национальная контрреволюция навек разъяты, всякая попытка их сочетания фальшива». С евразийцами не может быть объединения, так как они предали белое движение. И.Д. Гримм заключал: «Евразийство — болезнь, оно должно быть политически изолировано, в нашем стане не должно быть евразийцев» (Возрождение. 1925. 22 июня). Большевизм евразийцы считали порождением европейской мысли, но при этом видели в нем «правду», воплощенную в народной революции, которая свергла чуждое России «романо-германское куль-

турное иго». Пока же большевизм силен и пользуется поддержкой нации, с ним надо сотрудничать, направлять его на путь истинный.

Сотрудника «Возрождения» И. Ильина пугали возможные потрясения в России после внезапного крушения большевистской партии. «Коммунистическая идеология, несомненно, и окончательно погибает, увлекая за собой и социалистические идеологии вообще. Ее гибель угрожает гибелью и большевистской партии, которая без идеологии не может обладать ни пафосом, ни должной энергией, ни сильной организацией. С гибелью же большевистской партии, если она не будет заменена, связаны серьезные опасности для всего нового правящего слоя, для создавшихся новых форм государственности и для нормального развития самой Евразии-России», — о том же тревожился и П.Н. Савицкий.

Альтернативой евразийцы предлагали свою идеологию, которая сменит идеологию большевизма. Отсюда происходило и декларируемое евразийцами примирение с большевизмом, не носящее, правда, характер безоговорочной капитуляции как у «сменовеховцев. К 1927 г. П.Б. Струве стал более резок к евразийству, он осуждал не только евразийские идеи, но и моральную недоброкачественность этого движения, называя его «антрепризой». «Грустно, — писал он в «Возрождении», — что евразийство, начав за здравие, кончило за упокой. Начав с утверждения восточного лица России, кончает оплевыванием нашего западного лица» (Возрождение. 1927. 11 февр.). П.Б. Струве считал, что евразийское понимание национальной идеи есть искажение традиционно русского понимания национальной идеи. «Евразийцы стремятся определить русскую национально-культурную сущность исходя из географического порядка Евразии. Наоборот, искомая православно-русская национальная идея есть культурно-религиозная. Никогда традиционная православная идеология не согласится подменить указанное понимание нации географическим термином» (Там же).

После ухода из «Возрождения» П.Б. Струве в 1927 г. основывает свою новую газету «Россия». Газета выходила в течение двух лет, и борьба с евразийской идеологией здесь была более беспощадной, чем в «Возрождении». В «Дневниках политика» №210 «Евразийское суесловие» и № 214 «Чем обертывается и во что развертывается евразийская идеология?» П.Б. Струве предостерегал эмигрантскую молодежь от «дешевого и хмельного поила евразийства».

В какой-то степени сближение с большевиками для евразийцев было закономерным. И для тех, и для других одинаковая неприязнь была присуща к Западу вообще. Будущее политическое устройство России евразийцы именовали идеократией и видели его как своеобразное тоталитарное устройство, отличающееся от Советской власти лишь государственной идеологией, вероятно, евразийством вместо марксизма. Евразийцам принадлежит оригинальная концепция нового будущего России, которая строится на своеобразном признании факта свершившейся революции. Евразийцы призывали относиться к большевистскому строю как истори-

ческой данности, отмечая многие положительные черты советской системы: сильное правительство; существование ясной правящей партии, что является важным фактором стабилизации общественной жизни, наличие Советов как удачной формы участия народа в управлении страной. Среди евразийцев некоторое время был распространен лозунг «Россия с Советами, но без коммунистов». В этом смысле будущее России — это будущее Евразии. Евразийцы критически относились к влиянию западно-европейской культуры, считая его губительным для России: социальный кризис, война, революции — все это порождение европеизма, результат отклонения России от предначертанного евразийского пути развития.

Полемика вокруг евразийства в эмигрантской печати достигла самого высокого накала в конце 1920-х—начале 1930-х гг. Наиболее последовательный и резкий критик евразийства известный историк А.А. Кизеветтер увидел его сущность в отрицании «общечеловеческих начал в культурной жизни мира». Самые консервативные круги ставили знак равенства между евразийством и большевизмом. Характерны в этом отношении высказывания публицистов газеты «Возрождение». И.П. Грим: «Пусть тот, кто с нами, уходит от евразийцев, тот же, кто с евразийцами, — уходит от нас».

Евразийство явилось особой научно-философской школой в эмиграции. Политического движения оно практически не создало, если не считать периода с 1921—1929 гг. Положения евразийства до сих пор не устарели, просто развивалось оно в ситуации расцвета двух крупнейших идеологий — коммунизма и западного национализма. А значит, особо отработывать идеи в том времени было не на чем, почва не соответствовала. В современном мире евразийская идеология не стоит на месте. Второй подъем она пережила в начале 1990-х гг. на территории только что упраздненного Советского Союза. Попутчиками были различные люди, представляющие разные течения этого учения. Вероятно, эта пестрота и привела к достаточно быстрому истощению идеологии. Есть исследования Л. Гумилева, А. Панарина, В. Кожина, А. Дугина. И у каждого — свой вариант евразийства. Евразийской концепции крайне сложно пробивать дорогу к практической реализации, к разработке стратегических программ развития России. Причиной такой нестыковки идеологии и практики можно считать положение евразийской идеологии вне российского евроцентризма. На эту особенность евразийской идеологии быть вне схемы «правый-левый» указывал еще Н.С. Трубецкой в 1920-е гг. Евразийцы считали себя носителями идеологии консервативной революции, сочетая прогрессивные общественно-экономические формы с консервативными формами государства и поддержки традиционной религии. Евразийцы умели найти компромисс там, где его нет. Это может быть полезным для политического сосуществования современной России, где вследствие фрагментированности общества нет идеологической консолидации. Евразийство может выступить средством мощной критики евроцентризма, а значит, поезд истории не ушел, а, скорее всего, стоит на запасном пути...